

Когда настроение улучшилось, Мэн Чунгуан снова протянул руки, хвастаясь:

— На самом деле те запечатывающие гору совсем не умеют драться. Я потратил немного времени, заманил их подальше от башни, боялся потревожить сон старшего брата, и чтобы запах крови не беспокоил его... Перед возвращением я велел им вымыть руки и тела в ближайшем ручье, поэтому и вернулся поздно, чуть не дал старшему брату пострадать...

Его голос становился всё тише, глаза впились в глаза Сюй Синчжи, и он робко прошептал:

— Если бы с братом что-то случилось, что бы я делал?

Этот осторожный вид Мэн Чунгуана задел сердце Сюй Синчжи — не сильно, но ощутимо.

Раз уж Мэн Чунгуан заговорил о человеке в звериной шкуре, Сюй Синчжи решил задать вопрос, который вертелся у него в голове:

— До этого ты не знал, что в Пустоши могут быть осколки ключа?

Мэн Чунгуан послушно ответил:

— Знал.

— Тогда почему не искал? — удивился Сюй Синчжи. — С осколками ты мог бы выйти.

Эти слова звучали странно из уст Сюй Синчжи, ведь он пришёл помешать Мэн Чунгуану покинуть Пустошь, но сейчас ему очень хотелось понять, почему тот, имея надежду, всё откладывал уход.

Спустя долгое время Мэн Чунгуан тихо сказал:

— ...Я думал, старший брат в Пустоши.

Сюй Синчжи не сразу расслышал:

— Что?

Мэн Чунгуан ответил:

— ...В тот год я думал, что брата тоже сбросили в Пустошь с Девятиветвистым светильником, и всё искал тебя... Но Пустошь слишком велика, безгранична. Я искал много лет, но так и не нашёл.

Когда Мэн Чунгуан говорил с Сюй Синчжи, его голос становился очень мягким и нежным, словно он боялся, что громкий звук испугает его:

— За эти тринадцать лет я собрал всех, кого брат ценил больше всего, и держал их рядом; поисками осколков ключа всегда занимались Чжоу Бэйнань и другие, а я сосредоточился на поисках брата... Ах да, я ещё построил эту башню, прямо в центре Пустоши. Башню строили каждый год, она становилась всё выше. ...Я думал: если брат в Пустоши, увидев такую высокую башню, непременно придёт посмотреть. Тогда Чунгуан снова сможет увидеть брата...

Сюй Синчжи никак не ожидал, что эта башня построена не для обороны и не для жилья, а как ориентир для прежнего хозяина.

Вспомнив, как впервые попал в Пустошь и издалека увидел эту башню, он понял: даже если бы Мэн Чунгуан не появился в тот момент, он всё равно направился бы прямо туда.

...Если задуматься, это похоже на насмешку.

Ориентир Мэн Чунгуана привлёк не того, кого он ждал, а такого, как он, подставного.

Онемев, Сюй Синчжи спросил в ответ:

— Почему ты так уверен, что я в Пустоши?

Мэн Чунгуан взял его за рукав и осторожно погладил:

— Даже если вероятность один на десять тысяч, я не хочу отказываться.

Сказав это, он поднял глаза и серьёзно произнёс:

— Я всё время думал: подожду ещё день, ещё день — и смогу увидеть брата. Зачем мне выходить? Вдруг брат ждёт меня в Пустоши?

Сюй Синчжи:

— ...

Он вдруг осознал: если бы то самое «сознание мира» не затащило его в Пустошь, Мэн Чунгуан не стал бы стремиться выбраться, а искал бы по всей Пустоши ради одного шанса из десяти тысяч, а не так, как сейчас: нашёл любимого брата и, из-за того, что человек в шкуре хотел похитить его, угрожая Девятиветвистому светильнику и Мэн Чунгуану, волей случая получил подаренный осколок ключа.

...Нет ничего более причудливого, чем судьба.

Сюй Синчжи мог только через силу улыбнуться:

— Меня тогда лишили корней, если бы я попал в Пустошь в таком состоянии, наверное, давно остыл.

Он просто пошутил, но Мэн Чунгуан резко изменился в лице, рванул его за отвороты одежды:

— Я не позволю брату говорить такое!

— ...Чунгуан?

Лицо Мэн Чунгуана стало очень неприятным, в уголках глаз и между бровями даже вспыхнул и погас киноварный свет.

На этот раз в его голосе звучали настоящие слёзы:

— Разве о жизни и смерти можно говорить так легкомысленно? Брат не умрёт, брат не может умереть!

Сюй Синчжи хотел спросить, не сомневался ли он за эти тринадцать лет, не погиб ли тот в каком-нибудь углу Пустоши, не превратился ли в кости, но, видя его возбуждение, понял, что расспрашивать излишне.

— Он просто не вынес бы такой возможности, одна мысль о ней разрушила бы его.

Сюй Синчжи погладил его по голове:

— Ладно, старший брат оговорился.

Мэн Чунгуан не унимался:

— Брат должен три раза плюнуть.

Сюй Синчжи:

— Хорошо-хорошо, тьфу-тьфу-тьфу.

Мэн Чунгуан успокоился, отпустил его и потребовал с довольным видом:

— ...Нужно, чтобы брат ещё погладил, тогда пройдёт.

Сюй Синчжи с беспомощной улыбкой:

— Ладно, боюсь я тебя.

Мэн Чунгуан, пока Сюй Синчжи гладил его, даже уши потрогал, блаженно перекатываясь на его коленях, щёки слегка покраснели, очень похоже на избалованную домашнюю кошку.

Прищурившись, он наслаждался и небрежно сказал:

— Брат, я расскажу тебе кое-что. Хозяин Запечатанной горы только что просил меня убить его, а взамен продал мне информацию. — У Короля демонов в Тигрином ущелье, возможно, хранится осколок ключа.

Пока Сюй Синчжи пребывал в ступоре, Мэн Чунгуан прижался лицом к его груди и ласково потёрся:

— Брат, теперь я нашёл тебя. Подожди ещё немного, я соберу все осколки ключа и выведу тебя из Пустоши.

— Вот чёрт.

Мэн Чунгуан ничего не знал о буре в душе Сюй Синчжи и продолжал:

— Не знаю, правда ли это. ...Брат, как думаешь, не врёт ли хозяин Запечатанной горы?

Сюй Синчжи мог лишь мысленно ответить ему, что информация верна, ведь он сам написал об этом в своей книге.

Улыбка Сюй Синчжи была натянутой до боли:

— И ты исполнил его желание?

Мэн Чунгуан усмехнулся:

— Как бы не так? Убить его — это просто слова, он ещё пригодится.

...Сюй Синчжи решил: если однажды его личность раскроется, он немедленно перережет себе горло кинжалом, лишь бы не попасть в лапы этого старого демона, который замучает так, что ни жить, ни умереть.

Вскоре этот, возможно, кошачий старый демон заснул под его лаской, свернувшись калачиком и обхватив его колени, словно котёнок, разметаив пушистые волосы на его коленях — на ощупь очень приятно.

Пальмовая правая рука Сюй Синчжи гладила его волосы, а левая снова сжала рукоять кинжала и медленно вытащила его из ножен.

Мэн Чунгуан уже знал, где находится следующий осколок, — пора бы его убить?

Остриё кинжала нацелилось на переносицу Мэн Чунгуана.

Только что там от волнения проступила алая метка демона, так что Сюй Синчжи без труда нашёл это место.

Мэн Чунгуан спал беззащитно, под распущенными волосами было такое спокойное безобидное лицо, будто это место — самое безопасное в мире.

Сюй Синчжи ткнул его в лоб, но тот не проснулся, только пробормотал:

— Брат, брат.

Приговаривая, он глупо улыбнулся, словно одно это имя приносило ему бесконечную радость.

...Сюй Синчжи в конце концов отбросил кинжал, откинулся назад и положил тыльную сторону ладони на лоб.

Чёрт. Ладно.

Он не был благородным человеком, но не мог ударить беззащитного Мэн Чунгуана с таким лицом.

Если бы он сделал такое, даже вернувшись в свой мир, лицо Мэн Чунгуана, наверное, постоянно являлось бы ему во сне.

Чем так, лучше уж перерезать себе горло здесь.

Конечно, придерживающийся принципа «лучше жить, чем умереть» Сюй Синчжи не стал бы так легко умирать.

Убрав кинжал, Сюй Синчжи безропотно уложил Мэн Чунгуана на кровать.

Тот, видимо, тоже потратил немало сил на врагов, поспать бы ему.

Глядя, как он сладко спит, Сюй Синчжи даже позавидовал и пощекотал его красивый прямой нос:

— ...Прямо наказание.

С этими словами он собрался выйти прогуляться, развеяться. Но стоило ему отойти от кровати на два шага, как Мэн Чунгуан тихо промычал: «М-м...» — голос хриплый и чувственный, отчего

сердце Сюй Синчжи дрогнуло, и он обернулся.

— Брови Мэн Чунгуана нахмурились, недавно розовые губы сжались в тонкую линию.

Сюй Синчжи осторожно попытался разгладить его переносицу.

Как только его пальцы коснулись Мэн Чунгуана, выражение его лица удивительным образом расслабилось.

Сюй Синчжи с беспомощной улыбкой отказался от мысли выйти, забрался на кровать и лёг рядом, тоже закрыв глаза.

...Мэн Чунгуан, видимо, действительно устал: только когда он рядом, тот может хорошо выспаться.

Кстати, Мэн Чунгуана с детства подобрал прежний хозяин, и его привязанность к нему не уступала отцовской или братской — это нетрудно понять.

Делать было нечего, Сюй Синчжи подложил правую руку под голову и, глядя в потолок, вспомнил недавние ругательства человека в звериной шкуре.

«Я-то думал, кто это, а это Сюй Синчжи, убивший учителя и отрёкшийся от пути!»

«...Волчья натура, поправший мораль, сперва убил наставника...»

Все считали, что Сюй Синчжи убил учителя, но память прежнего хозяина говорила ему: это Мэн Чунгуан, поступив вопреки порядку, убил учителя ради захвата божественного артефакта, а затем взвалил вину на него.

Однако, глядя на нынешние поступки Мэн Чунгуана, он казался очень преданным и совсем не походил на того, кто ради внешних благ не гнушается ничем.

Сюй Синчжи подумал: неужели божественный артефакт был настолько ценен, что помутил его разум?

Он перевернулся на бок, но почему-то почувствовал стеснение в груди.

...Имя учителя прежнего хозяина, кажется, было «Цинцзинцзюнь».

Это имя вертелось в голове Сюй Синчжи, вызывая тошноту, и на мгновение его чуть не вырвало.

Он приподнялся на локте, свесившись с кровати, но рвоты не было.

Сюй Синчжи постучал себя по груди и снова лёг ровно — ноющая боль в груди немного утихла.

Он не мог объяснить это чувство и утешил себя тем, что пользуется телом прежнего хозяина: возможно, тот сильно любил учителя и, вспомнив его смерть, испытывал такую тоску.

Следуя принципу «сон избавляет от тысячи печалей», Сюй Синчжи укрылся с головой и заснул.

Когда его дыхание стало ровным, Мэн Чунгуан снова открыл глаза, перевернулся и осторожно обнял Сюй Синчжи, положив руку ему на грудь.

Внутри билось сильное и ровное сердце, каждый удар слышен.

Мэн Чунгуан привлёк Сюй Синчжи к себе сзади и прошептал на ухо:

— Брат, не печалься. Даже если ты захочешь меня убить, я не стану сопротивляться. Лишь бы ты был счастлив...

Сказав это, он, как щенок, понюхал мочку уха Сюй Синчжи, затем прикусил её маленьким клыком.

Сюй Синчжи нахмурился и тихо хмыкнул, но не проснулся.

В ту ночь Сюй Синчжи снова увидел странный сон.

На этот раз он открыл глаза и оказался на высокой террасе, в официальном одеянии, с бамбуковыми планками в руках, словно готовился читать лекцию по даосизму.

Внизу собрались ученики, он увидел одно-два знакомых лица: Мэн Чунгуан и Цзючжидэн, уже без юношеской зелени, стали стройными юношами, коленопреклонённо ждали лекции, но оба неотрывно смотрели на него.

Мэн Чунгуан даже, пока остальные ученики стояли смирно, помахал ему рукой с высокой террасы, приветствуя.

Сзади раздался спокойный и ласковый голос:

— Синчжи, начинай.

Услышав этот голос, тело Сюй Синчжи напряглось.

Обстановка здесь была совсем не такой, как на Оленьей смотровой, одежда учеников тоже единообразна — белые облачные мантии, волосы убраны лентами.

...Видимо, это и есть Гора Фэнлин.

А тот, кто велел ему, старшему ученику, начинать лекцию, — может ли это быть «Цинцзинцзюнь»?

Сюй Синчжи хотел обернуться, но тело не слушалось: он развернул планки и начал читать лекцию, произнося корявые древние письмена и объясняя их.

Сюй Синчжи думал, что такой реалистичный сон — это воспоминания прежнего хозяина, пока скользкая толстая лиана незаметно не скользнула под его длинную одежду.

Он почувствовал что-то скользкое внизу, не успел опомниться, как пальцы, сжимающие планки, резко сжались, крик рванулся к губам, но он зажал его между зубами и проглотил.

Кончик лианы, видя, что Сюй Синчжи не смеет сопротивляться и кричать, стал ещё наглее: извивался, ползал между ног Сюй Синчжи, как олень, тянущийся к воде, или рыба, плывущая в ручье.

Сюй Синчжи в панике поднял глаза, но никто не заметил его необычного состояния.

Ученики внизу смотрели на него с восхищением и почтением, а Мэн Чунгуан среди них впился

в него горящим взглядом.

Сюй Синчжи терпел до выступивших вен, пальцы то сжимались, то расслаблялись, пот блестел на лбу:

— ...Небо ян, земля инь; весна ян, осень инь; лето ян, зима инь; день ян, ночь инь... У-у!!!

...Во... вошло...

...Прямо здесь...

Колокольчик на запястье Сюй Синчжи зазвенел от напряжения, и в одно мгновение его тело онемело от смеси ужаса и гнева, слова застряли в горле, не в силах выйти.

Некоторые ученики внизу заподозрили неладное и подняли головы, глядя на Сюй Синчжи.

Сзади тоже раздался вопрос:

— Синчжи, тебе нездоровится?

— Нет, учитель.

Сюй Синчжи облился холодным потом, но усилием воли снова заговорил, хотя в голосе была едва заметная дрожь:

— Ве... верх ян, низ инь. Мужчина ян, женщина инь. Отец ян, сын инь. Старший брат ян, младший инь. Старший ян, младший инь...

Он хотел крикнуть «прекратите», но не знал, кому кричать, и приходилось читать эти серьёзные даосские тексты. Под таким воздействием тело становилось всё горячее, словно паук, выпускающий мягкие серебряные нити, и лиана, пользуясь моментом, буйствовала, лишая Сюй Синчжи сил.

Он едва держался на коленях, перед глазами летали искры, то светло, то темно, и наконец он не выдержал, мягко повалившись набок.

Несколько часов спустя.

Мэн Чунгуан, напевая песенку, в отличном настроении вышел из комнаты и вымыл руки и лицо в ручье, протекающем внутри башни.

Чжоу Ван как раз вышла из комнаты Лу Юйцзю и, увидев его, поздоровалась:

— Брат Мэн проснулся?

Мэн Чунгуан ответил с улыбкой:

— Да.

Ответив, он стряхнул капли воды с рук и вернулся в комнату.

Чжоу Ван застыла, увидев его улыбку, и только когда сзади подплыл Чжоу Бэйнань, она вздохнула:

— Дядя, за столько лет в Пустоши я ни разу не видела, чтобы брат Мэн так улыбался.

Чжоу Бэйнань покосился на закрытую дверь:

— Это ты не видела, каким он был раньше. Целыми днями лип к своему брату, ни на минуту не отходил, улыбался ему, как подсолнух.

Чжоу Ван заинтересовалась:

— С тех пор как брат Сюй пришёл в Пустошь, они каждый день сидят в комнате. Что они делают? Я хочу зайти посмотреть.

— Цыть, — нахмурился Чжоу Бэйнань, — девушке-то о чём спрашивать?

Чжоу Ван возразила:

— Когда ты учил меня обращаться с ножом, ты не говорил, что я девушка.

Чжоу Бэйнань вытащил своё оружие, собираясь ударить Чжоу Ван по голове, но та ловко увернулась:

— Дядя, у тебя двойные стандарты, как ты объяснишься? Брат Сюй говорил мне, что девушка должна вести себя как девушка.

Услышав «брат Сюй», Чжоу Бэйнань закатил глаза:

— Если бы Сюй Синчжи умел воспитывать, разве воспитал бы двух братьев-любовников...

Не договорив, он понял, что сболтнул лишнее, замолчал и не стал продолжать.

Чжоу Ван заинтересовалась:

— Дядя, что значит «любовники»?

Чжоу Бэйнань слегка покраснел, махнул рукой и ушёл, сделав вид, что не слышал.

Сюй Синчжи в этот раз во сне пострадал сильно, проспал почти полдня, а проснувшись, не мог даже встать, ноги были слабыми два дня, прежде чем он смог выходить.

В последующие несколько дней Мэн Чунгуан не поднимал тему похода в Тигриное ущелье за осколком, и Сюй Синчжи тоже не знал, что делать, поэтому целыми днями тусовался с обитателями Пустоши, болтал, пил, играл в метание стрел в кувшин — совсем как в своей прежней жизни.

Во время игр Сюй Синчжи узнал кое-что, отчего у него глаза на лоб полезли.

...Наконец-то он понял, в чём исключительность Тао Сяня.

Тао Сянь оказался простым смертным, у которого вообще не было магии.

Тао Сянь от природы был молчалив, целыми днями сидел с помешанным Цюй Чи и не скучал, а если говорил с кем-то дольше, то краснел и заикался, и редко участвовал в играх. О том, что он смертный, Сюй Синчжи узнал от Чжоу Ван.

В своё время, когда Чжоу Бэйнань только упал в Пустошь, он по какой-то причине погиб, а мать Чжоу Ван, испугавшись, родила её и тоже умерла на месте. Чжоу Ван бросили в пустыне, и когда она громко плакала, наткнулась на таких же свалившихся в Пустошь Цюй Чи и Тао Сяня; они похоронили тело её матери и подобрали её.

Если бы через шесть дней Лу Юйцзю не прошёл мимо, не увидел блуждающий, почти рассеявшийся дух Чжоу Бэйнаня и не заключил его ядро души в талисман, Чжоу Бэйнань, наверное, превратился бы в Пустоши в одинокий дым.

С тех пор Чжоу Ван считала Цюй Чи и Тао Сяня своими названными отцом и матерью.

По её словам, её названная мать Тао Сянь была обычной смертной без единой крупички магии и выживала в Пустоши все эти тринадцать лет только благодаря полной защите Цюй Чи.

Услышав это, Сюй Синчжи весьма удивился и, встретив Тао Сяня в башне, перекинулся с ним парой слов.

Тао Сянь смущённо мял уголок одежды:

— ...Верно. Я вошёл в Пустошь, чтобы заботиться о брате Цюй, но теперь выходит, что брат Цюй заботится обо мне...

Сюй Синчжи не удержался от вопроса:

— А чем ты занимался раньше?

Тао Сянь тихо спросил:

— Брат Сюй правда не помнит? Я, я раньше был актёром. — Он добавил: — ... Амплуа женских ролей.

Тао Сянь действительно был застенчивым: не успел сказать двух слов, как уже разволновался.

Сюй Синчжи не стал его мучить:

— Цюй Чи снаружи играет с А Ван. Ты, наверное, его ищешь.

Тао Сянь неловко улыбнулся, поклонился и быстро вышел.

Сюй Синчжи последовал за ним из башни.

Вчера прошёл дождь, и перед башней струился чистый ручей, журча.

В тот день, когда Сюй Синчжи смог встать, он слепил из мокрой глины кувшин и попросил Мэн Чунгуана силой высушить его, превратив в прочный глиняный кувшин.

Мэн Чунгуан охотно это сделал — вернее, он был рад выполнить любую просьбу Сюй Синчжи.